

Международная Академия Психологических Наук

Шевцов Александр Александрович

Общая культурно-историческая парадигма в психологии

**Специальность: 19.00.01 – история психологии,
общая психология**

**Научный доклад на соискание ученой степени
доктора психологических наук**

Ярославль, 2013

Данное исследование посвящено анализу предпосылок развития общей культурно-исторической психологии как дисциплины, исследующей взаимоотношения человеческой психики и культуры, и находящейся на стыке психологического и гуманитарного знания, а также ее общей теории и практики.

XXI век становится веком междисциплинарных исследований, доказывающих свою эвристичность в первую очередь там, где предметом изучения выступают уникальные саморазвивающиеся системы (А.В.Карпов, В.В.Козлов, В.А.Мазилов). Дальнейшая судьба общей культурно-исторической психологии в значительной степени зависит от ее коммуникаций с разными областями гуманитарного знания и, прежде всего, с историческими и культурологическими дисциплинами.

Докторская диссертация защищается на основании двух монографий – «Общей КИ-психологии» и «Введение в прикладную КИ-Психологию», которым предшествовало «Введение в общую КИ-психологию», отразившееся в кандидатской диссертации. Общий объем книг около тысячи страниц, поэтому по рекомендации научного руководителя диссертации было решено вынести на защиту собственно обоснование культурно-исторической психологии как научной парадигмы.

В силу этого первая половина автореферата в определенном смысле повторяет положения кандидатской диссертации, чем достигается преемственность и полноценность обоснования собственно парадигмы. Чтобы не утомлять разбором уже знакомого, я перескажу суть обоснования лишь вкратце и перейду к тому, как эта парадигма создает возможности для прикладной психологической работы.

Итак, исходное понятие парадигмы вообще и парадигмы, положенной в основание КИ-психологии в частности.

В настоящее время существует несколько десятков определений понятия «парадигма», часть из которых приведена в моих работах. Однако суть их всех можно свести к тому, что этим исходно греческим словом называется некий образец для научного подражания. Что, в сущности, означает определенное согласие, нечто вроде негласного общественного договора Руссо, которое не заключают, но соглашаются поддерживать все члены определенного научного сообщества.

Это согласие, безусловно, мировоззренческое, то есть определяющее для всех членов сообщества, как им видеть мир. В отношении науки именно «как», а не «каким», поскольку лежащая в основаниях любой науки задача поиска истины предполагает, что мир еще не познан до конца, а значит, меняется по ходу его познания.

Иными словами, для ученого невозможно исходно определить, каков мир. Зато он может придерживаться тех или иных способов и

орудий познания, понимая под этими орудиями и ценности, ради которых ведется работа, и «слепые поля», то есть темы, которые считаются недопустимыми в рамках этой науки.

С психологической точки зрения, избрав парадигму, ты в рамках некой науки избираешь и научные подходы и определенные общественные отношения, вроде того, против кого мы все дружим, потому что от этого зависят наши отношения с государством.

Совершенно определенно это действовало в психологическом сообществе на протяжении всего его существования, и многократно менялось вместе со сменой общественных отношений и государственного устройства. При таком положении дел даже нет смысла говорить о том, что истина оказывалась заложницей общественной части психологической парадигмы.

Историками и методологами нашей психологии к настоящему времени неплохо осмыслены те изломы психологической парадигмы, которые связаны с революциями 1917 и 1991 годов. Сейчас эти смены открыто обсуждаются как дореволюционная психология, советская психология, и новая русская психология.

Однако эти шаги слишком крупны, чтобы методолог науки действительно мог обосновано говорить о них, как о сменах парадигм. Эти изломы включают в себя несколько парадигм одновременно или последовательно. И это было подмечено, в том числе и присутствующими в этой аудитории, на примере последнего периода, когда одновременно сосуществуют не менее пяти психологических парадигм.

Позволю себе кратко перечислить те психологические парадигмы, которые существовали и меняли друг друга в предшествующий период, поскольку культурно-историческая парадигма не придумана мною, а выводится из работ предшественников.

Даже самый ранний период существования русской психологии – первая половина девятнадцатого века, является сложнопарадигмальным. В нашей психологии, которую в то время по преимуществу читают и разрабатывают профессора Духовных Академий, одновременно уживаются три понятия о науке о душе.

Во-первых, это, безусловно, святоотческое понятие души, а значит, и о том, какой должна быть наука о ней. Во-вторых, довольно глубоко разработанный вольфянский подход, который для того времени можно условно назвать схоластическим, хотя он и имеет метафизические корни. Но был и третий, собственно метафизический способ излагать психологию, истоки которого, безусловно, надо искать в европейской философии, начиная с картезианства.

Как ни странно, но святоотческое понятие о душе не было популярным у русской профессуры, и она, в зависимости, так сказать, от своих философских притязаний, предпочитала читать психологию

либо вольфянскую, либо метафизическую. Кто попросил читал и перелагал Вольфа, кто себя ценил — метафизику.

С середины девятнадцатого века в Россию начинает проникать эмпирическая психология, а с 1863 года, после выхода «Рефлексов головного мозга» Сеченова, начинается бум физиологии. Соответственно, вольфянцы вымирают как динозавры, метафизики перетекают в эмпиризм и интроспекцию, а самой популярной становится психофизиология Сеченовского толка.

Посреди этого одинокой скалой возвышаются «Задачи психологии» Константина Дмитриевича Кавелина, писавшиеся с 1862 по 1872 год, в которой он пытался ответить всем тем, кто из политических амбиций отказался от души. Однако научно-политическая мода судила так, что толпа отвергла Кавелина, и развития, предложенная им парадигма, не получила.

Вот в составе из двух скакунов — интроспективной эмпирической и естественнонаучной — психологий и подошла наша наука к рубежу семнадцатого года. Борьба этих парадигм продолжалась и в советское время, и идет до сих пор.

Революция и гражданская война разметали прежние учебные заведения, где давали психологию. И к двадцатому году оказалось, что чуть ли не единственным ее оплотом остался Институт психологии Г.И.Челпанова, куда и собрались все те, кто хотел делать психологию в новой России. Все они были учениками Челпанова, некоторые еще с основания Института в 1912 году.

Однако все они хорошо чуяли, откуда дует ветер, и уже в 1923 году скинули Челпанова с должности директора института. Однако смена психологической парадигмы произошла чуть раньше — в 1921 году. И дальше парадигма нашей науки будет меняться каждые десять лет до 1961 года.

В 1921 году вышли две работы учеников Челпанова. «Очерк научной психологии» Петра Блонского и первая статья «Учения о реакциях» Константина Корнилова. В обеих было жестко и однозначно заявлено, что революционная психология не может быть интроспективной, то есть наукой о сознании, как этому учили Челпанов, а должна быть биологической наукой. Так была обоснована естественнонаучная парадигма советской психологии.

Сначала в основание этого подхода кладутся понятия реакции и установки в прочтении Людвига Ланге и Кюльпе. Но в 1923 году появляются сразу несколько публикаций физиолога Алексея Ухтомского, посвященных понятию доминанты, и психологи хватаются за него, как за физиологическую основу будущей науки.

Тогда же в двадцать третьем году Корнилов, сменивший Челпанова, заявляет о необходимости создания марксистской психологии и разработки общедоступных учебников.

Все те творцы советской психологии, которые сейчас на слуху, вроде Выготского, Леонтьева, Лурри, в то время чистой воды реактологи. Первым деянием Выготского было руководство коллективом психологов, переработавших «Психологию общую и экспериментальную» Лазурского. Книга была «улучшена» в сторону реактологии и естествознания.

Однако это не удовлетворило молодых реформаторов, и уже с 1925 года начинают выходить учебники новой психологии. «Очерк психологии» Кравкова, «Введение в психологию» Добрынина, написанное в двадцать пятом, но опубликованное в двадцать восьмом. В 1926 выходит «Педагогическая психология» Выготского, «Учебник психологии» Корнилова, учебники психотехники и педологии.

В «Педагогической психологии» Выготский полностью реактолог, но вскоре он начинает говорить о культурно-историческом подходе, который и воспринимается в нашей стране как культурно-историческая психология. Однако я подвергаю это утверждение сомнению, поскольку в действительности психология Выготского жестко оставалась в рамках естественнонаучной парадигмы, а он лишь выполнял требование сближения с марксизмом, вводя понятия социальной обусловленности личности, как исторического существа.

Собственно понятия «культура» и «история» в психологическом отношении им не разрабатывались и даже не рассматривались как психологические. Более того, предложенный Выготским подход не давал возможности вывести эти понятия, поскольку они из биологии не выводятся. Поэтому вернее было бы культурно-исторический подход Выготского считать марксистской естественнонаучной парадигмой, если бы она привилась.

Однако она не привилась и не оказала влияния на развитие советской психологии. Как не оказали влияния поездки Лурри в 1930-31 годах в Узбекистан и Киргизию, потому что проводившиеся им исследования были кросс-культурными, а не психологическими.

В настоящее время принято сетовать по поводу тех утрат, которые понесла наша психология в 1936-м году, когда был произведен разгром педологии и психотехники. Однако и эти проамериканские науки не имели значения для развития нашей психологии. Как и культурно-исторический подход, они в действительности были своего рода пеной, если не болезнью, на здоровом теле науки.

Впрочем, отошли за свидетельствами к воспоминаниям К.К. Платонова.

Собственно психология даже не заметила этой операции, хотя психологи напугались и поняли, что время вольностей прошло и паразитировать на государстве больше не позволяют. Хлеб надо отрабатывать.

Действительная смена парадигмы произошла не в тридцать шестом, а в тридцать первом году. Ей предшествовал «Поведенческий

съезд» тридцатого года, где всей науке о поведении, импортной или отечественного разлива, устроили головомойку.

А в тридцать первом в Институте психологии на собрании партийной ячейки института произошла «Реактологическая дискуссия», которая подвела итоги развития естественнонаучной парадигмы, оценив ее как механистическую и вульгарно-материалистическую, и затребовала от психологов коренным образом сменить подходы.

Резолюция «Реактологической дискуссии», опубликованная в журнале «Психология», выдвигала в качестве условий разработки новой психологической парадигмы два обязательных основания: марксизм и практику социалистического строительства. Там же была дана оценка и тем заигрываниям с марксизмом, которые вели Выготский и его последователи: их подход был назван «культурнической психологией», что означает, что реверансы Выготского в сторону марксизма не были приняты.

Задачу разработки новой парадигмы психологи, основанной на марксизме и позволяющей вести прикладную работу, взял на себя за год до этого переехавший из Одессы в Ленинград Сергей Леонидович Рубинштейн. В 1933 году он передал в журнал «Вопросы психотехники» статью «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса», которая и обосновала ту парадигму, которая так или иначе дожила до нашего времени как советская психология.

Как это ни странно, но в определенном смысле именно он, а не Выготский оказался продолжателем той традиции, которую заложил Кавелин. Иными словами, если в советской психологии существовало основание для культурно-исторической психологии, его создал именно Рубинштейн.

Миф о том, что создателем культурно-исторической психологии был Выготский, был брэндом, как сейчас говорят, то есть именем, не подкрепленным действительным содержанием, и нет лучшего доказательства этого, чем то, что его ученики и последователи не смогли развивать это направление после ухода учителя. А точнее, развили именно так, как и было заложено исходно: Лuria ушел в нейропсихологию, Леонтьев – в марксизм.

И это очень показательно, поскольку подход Выготского как раз и был достаточно механическим соединением естественнонаучной парадигмы с марксизмом.

Что делает Рубинштейн?

В отличие от Выготского, он не просто оснащает рефлексологию цитатами из Маркса, он, как и Выготский, начинает с критики предшественников, но не зарубежных психологов, а тех самых реактологов и рефлексологов, которые разрабатывали

естественнонаучную парадигму. Суть его критики содержит в себе зерно новой парадигмы:

«В своей борьбе против сознания представители поведенчества – американского и российского – всегда исходили из того его понимания, которое установили интроспекционисты...»

«Вместо того, чтобы в целях реализации объективного подхода к психическим явлениям перестроить интроспекционистскую концепцию сознания, поведенчество отбросило сознание» (Проблемы психологии в трудах Маркса).

Рубинштейн возвращает в психологию понятие «сознания», как той самой психической среды, которая и является основным предметом психологии. После него сознание и психика начинают писаться через запятую, как синонимы.

Но это позволяет сделать шаг к марксизму и практике, как требовала «Резолюция реакторологической дискуссии». Для этого Рубинштейн вводит понятие психической деятельности как перехода субъекта в объект:

«Итак, деятельность человека – не реакция на внешний раздражитель, она даже не действие, как внешняя операция субъекта над объектом, – она «переход субъекта в объект». Но тем самым смыкается связь не только между субъектом и его деятельностью, но и связь между деятельностью и ее продуктами» (т.ж.с.25).

Субъект становится объектом в продуктах своей деятельности. А значит, сознание, психика может изучаться объективно через произведения рук и ума человеческого.

Таким образом родилась вторая советская парадигма психологии, которую можно назвать психологией марксистского сознания. Именно она, наравне с психологией Кавелина, и является корнем культурно-исторической парадигмы, предлагаемой мною.

Рубинштейн попытался воплотить свою парадигму в обобщающих работах, начиная с «Основ психологии», 1935 года. Одновременно с ним она была воплощена в учебники и труды других советских психологов, в том числе Корнилова, Теплова, Шварца, Добрынина. Однако никому из них не удалось выйти на прикладную работу. Парадигма Рубинштейна, безусловно, была марксистской, но не давала практического выхода.

Эта задача особенно остро встала перед нашей психологией в 1941 году. Военная психология той поры коренным образом отличается от всего, что было сделано до и после. Огромное количество работ было посвящено развитию смелости, отваги, духа. Были сделаны разработки того, как прививать навыки труда и боя.

Все эти находки были утеряны и, вероятно, намерено забыты. Наука, обучающая народ смелости, становится оружием, но не в руках Власти. Безусловно, военные работы психологов продвинулись в сторону прикладной психологии, и это можно считать сменой парадигмы. Однако этой парадигме не суждено было состояться, как и парадигме Кавелина.

Политическая обстановка после победы требовала объединения всего народа в борьбе с американским империализмом. Свобода, независимое мнение и всяческие шатания становятся недопустимы. И Власть торопится сменить парадигму психологии. Это случится в 1950-м году на так называемой Павловской сессии, где снова происходит резкий откат к естественнонаучной парадигме, жестко связанной с ВНД на основе учения Павлова.

Однако вскоре Сталин умирает, начинается Хрущевская оттепель, и психологи возвращаются к Рубинштейновской парадигме марксистского сознания. Этот откат стал очевиден к 1961 году и был закреплен в 1962 году на другой сессии – «Всесоюзном совещании по вопросам ВНД и психологии». В докладе заведующей сектором философских проблем психологии Института философии АН Екатерины Николаевны Шороховой была предложена компромиссная парадигма, в рамках которой психологи могли исходить из того, что предметом психологии является сознание, но должны были приговаривать учение Павлова.

Эта парадигма продержалась до 1991 года, когда в российское научное пространство ворвались многочисленные западные и восточные психологи. Однако основой академического психологического образования остаются понятия, введенные Рубинштейном. И это тем ценней, что именно они и позволяют сделать шаг к культурно-исторической, а через нее и прикладной психологии.

Именно опыт непосредственной работы позволяет понять, в чем была слабость исходной парадигмы Рубинштейна. Думаю, выполнить задачу создания практической психологии помешали вполне очевидные ошибки. Во-первых, подойдя вплотную к тому, что предлагал Кавелин в «Задачах психологии», Рубинштейн не сделал следующего шага и не попытался понять объектность психической деятельности как содержание сознания.

В сущности, в этом отношении злую шутку сыграло марксистское понятие сознания, совершенно бессмысленное по существу. Как и постоянно присутствующая у психологов двойственность в понимании сознания: то они видят его лучом осознавания, то пространством, хранящим некие содержания. Пока эта

двойственность не будет преодолена, психологи всегда будут сидеть между двух стульев, а значит, будут неточны в отношении действительности.

Преодолеть же это можно, лишь введя такое понятие сознания, которое сумеет увязать все те эмпирически наблюдаемые его черты, которые отражаются в запутанных психологических понятиях сознания. И если не принять, что направленность сознания есть не его природа, а лишь одно из свойств той среды, которую мы называем сознанием, то метания не прекратятся.

Сознание – это тонкоматериальная среда, подобная физическому полю, способная хранить следы воздействий, как называли в старину, отпечатков, которые привносятся в нее органами чувств в виде впечатлений. Но эти отпечатки не будут сохранены, если их не превратить в знания, что и отражается в русском слове «сознание». В знания же впечатления превращаются лишь в том случае, если на них направлен поток сознавания, который и стал тем понятием о сознании, что было доступно Декарту.

Если обратиться к знаниям русского народа, то можно описать это явление следующим образом. Есть среда, которую народ называл парой, поскольку, очевидно, видел как бы парящейся вокруг человека. У этой среды есть свойство воспринимать отпечатки, закреплять их в виде образов и хранить, предоставляя для использования.

Пара с образами, со знаниями, именуется сознанием. Совершенно очевидно, что сознание, впитывая образы, обретает определенное устройство, обеспечивающее хранение и использование образов. Использоваться образы могут либо разумом, либо мышлением, что предполагает некоторые различия в использовании.

И устройство, и использование знаний определяются целями и задачами человеческой жизни. Жизнь наша по понятиям народной психологии делится на две части: сначала выживание, а затем то главное, ради чего мы и приходим в мир. И то, и другое идет на основании Образа мира, в котором хранятся все наши знания о мире.

Образ мира не надо путать с так называемыми «картинами мира», вроде научной. Их народ отнес бы скорее к мировоззрениям, то есть к частным и служебным частям Образа мира.

Тем не менее, сложность Образа мира столь велика, что без частных образов, вроде мировоззрений, нравственостей и личностей, все это обилие знаний перестало бы быть управляемым. К тому же сама природа сознания допускает не только обретение знаний в виде образов, но и любых искажений этих знаний, поскольку они тоже существуют в виде образов.

В итоге человек, в сущности, всегда живущий ради достижения каких-то целей, перестает быть успешным и даже теряет смысл жизни. Что и порождает поле для прикладной психологической работы. Сутью ее является устранение инородных содержаний сознания и исправление тех частей разума, которые созданы с ошибками.

Этого не сделать, если не иметь рабочих понятий о культуре и истории. В самом кратком виде можно сказать так: человек рождается как естественное существо, и если бы он был предоставлен самому себе, то его разум, как и разум животных, развился бы в точном соответствии природе. Но природа человека общественна. Поэтому наш разум развивается в соответствии с ней.

Культура, если перевести это латинское слово на понятный язык, это то, что отличает нас от природы, причем, будучи взращено усилиями людей. В частности, общества. Культура входит через воспитание и общение. При этом культурой следует считать то, что свойственно всему обществу и, проникая в сознание отдельного человека, дает ему возможность понимать других.

История же – это тоже некие образы, но принадлежащие только этому человеку. Можно сказать, это личная память о том, что было только с ним и сделало его отличным от других. В то время как культура, которая тоже накапливается постепенно и исторически, делает нас едиными и понятными, история делает нас неповторимыми, а часто и больными.

Психолог должен уметь как излечить человека от подобных болезней, так и вернуть ему успешность, если нужно, обучив его разум думать и решать жизненные задачи.

Именно этим проблемам посвящена вторая монография «Введение в прикладную культурно-историческую психологию», во введении которой мы проявили свое понимание круга задач, связанного с прикладной психологией.